

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14

ИСТОРИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И СТРУКТУРНОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА: К ВОПРОСУ О ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Исследование соотношения исторического, структурного и социального подходов к изучению языка в лингвистике XX столетия и уточнение вопроса о содержании понятия «парадигма» применительно к развитию лингвистической мысли названной эпохи.

Процедура и методы исследования. Авторами изучен ряд источников, в которых содержится рассмотрение различных аспектов, связанных с указанной темой. Проведён критический анализ существующих точек зрения, и осуществлено их сопоставление.

Результаты исследования. Освещён ряд моментов, относящихся к характеристике исследуемой эпохи в историко-лингвистических трудах, и уточнены присущие ей черты и особенности.

Теоретическая и практическая значимость. Представленный в статье фактический материал и предложенные на его основе выводы будут способствовать более объективному пониманию содержания понятия «лингвистическая парадигма» и могут найти применение в вузовских курсах по истории лингвистических учений, теории языка, социолингвистики и др.

Ключевые слова: лингвистика, парадигма, исторический, социальный, системно-структурный

HIISTORICAL, SOCIAL AND STRUCTURAL APPROACHES IN THE 20TH CENTURY LINGUISTICS: THE PARADIGMATIC INTERPRETATION OF HISTORY OF LINGUISTICS

I. Belyaeva, G. Khukhuni

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Purpose is to investigate the state of the historical, social and structural approaches to language study in the 20th century linguistics and to clarify the issue of the notion *paradigm* applied to the development of linguistics in this period.

Methodology and Approach. The authors investigate different sources connected with the said problem. The critical analysis of the existing views and their comparison is given.

Results. A number of points, that characterized the situation in linguistics of the last century and are reflected in the existing special literature are covered and specified.

Theoretical and Practical implications. The factual material presented in the paper, as well as the conclusions based on the analysis of the latter will stimulate the more precise definition of the notion *linguistic paradigm* and may be used in University courses of the History of Linguistics, Theory of Language, Sociolinguistics, etc.

Keywords: linguistics, paradigm, historic, social, systemic structural, 20th century

Введение

Актуальность темы, которой посвящена предлагаемая статья, определяется несколькими моментами. Во-первых, историко-лингвистическая проблематика занимает важное место на любом этапе развития нашей науки, поскольку её разработка позволяет глубже понять современное её состояние и возможные тенденции дальнейшего развития. Во-вторых, учитывая высокую частотность термина «парадигма» во многих лингвистических трудах, появившихся за последние десятилетия и продолжающих появляться в наши дни, уточнение содержания данного понятия применительно к различным этапам развития языкознания представляется имеющим несомненную значимость. В-третьих, поскольку любой науке присущи не только общие закономерности развития, но и весьма существенные специфические особенности последнего, выявление указанной специфики, характеризующей исследуемый период, выступает, на наш взгляд, крайне важной задачей, учитывая занимаемое им место в истории лингвистики. В настоящей статье содержится попытка рассмотреть некоторые аспекты названных моментов, опираясь на существующие источники и труды учёных, занимавшихся данной проблематикой. На основе указанного материала проведён сопоставительный анализ некоторых трактовок названного вопроса и предложены сделанные в результате проведённого исследования выводы.

Обсуждение

Традиционно подавляющее большинство работ, в той или иной степени касающихся понятия научной парадигмы, принято начинать с цитаты из известной монографии Т. Куна, вышедшей в нашей стране ещё в 70-е гг. прошлого века: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [7, с. 11]. Никким образом не ставя под сомнение адекватности приведённой цитаты исходному тексту, отметим, тем не менее, что в последнем использована формулировка “community of practitioners” [17, p. VIII], что, на наш взгляд, в большей степени подчёркивает, что речь идёт именно о тех членах научного сообщества, которые занимаются практической деятельностью в соответствующей области знаний.

Хотя названный труд и не имеет прямого отношения к языкознанию (возможно, потому, что автор числил его по ведомству humanities, которые, в соответствии с англоязычной традицией, не включаются в сферу science), введённое его автором понятие широко используется в лингвистической литературе и в наши дни (например, [14; 15]). Вместе с тем, правомерность его применения к нашей дисциплине вызывала и определённые сомнения (см., в частности, [13]).

Если учесть, что на языке оригинала первое издание труда Т. Куна вышло в свет в 1962 г. [16], а второе, с которого делался русский перевод, – в 1970 г. [17] (в некото-

рых источниках указывается 1969 г.), пожалуй, есть основания считать, что столь оперативное ознакомление отечественных специалистов с научным трудом, по ведомству марксистско-ленинской идеологии явно не проходившим, позволяет сказать, что в данном случае об изоляции отечественной науки от мировой в пресловутую «эпоху застоя» говорить вряд ли возможно. Впрочем, даже в периоды, когда так называемое «низкопоклонство перед Западом», мягко говоря, не поощрялось, в весьма официальных по своему характеру публикациях также могла демонстрироваться «открытость» отечественного языкознания. В качестве примера можно привести редакционную статью, опубликованную в журнале «Вопросы языкознания» в 1953 г. [5]. В ней усиленно подчёркивается «открытость» отечественной науки достижениям мирового языкознания и приводится довольно длинный перечень работ его представителей, переведённых и изданных в Советском Союзе в 30-хх – первую половину 50-х гг. Причём среди них упомянут и основоположник весьма порицаемого в те годы структурализма Ф. де Соссюр, и социологи-компаративисты А. Мейе и Ж. Вандриес, и «лингвистический диссидент» Г. Шухардт, и основоположник американской этнолингвистики Э. Сепир (хотя, по понятным причинам, именно американская наука в эти годы наиболее часто подвергалась резким нападкам – см., в частности, [2, с. 207–208]), и автор фундаментального труда по истории романских языков Э. Бурсье... И хотя здесь не обошлось без пассажа об «империалистических кругах», фактического отклонения от истины приведённый – достаточно длинный, учитывающий характер эпохи, – список не содержит. Что же касается периода после XX съезда, о том, сколько трудов зарубежных лингвистов «получило прописку» в Советском Союзе в 60–70-е гг., вряд ли нужно особо напоминать. Это, разумеется, не исключало критического к ним отношения, включая обвинения идеологического характера

(порой и по отношению к книге Т. Куна), но самому знакомству с ними препятствий обычно не чинилось. Используется понятие научной парадигмы, в частности, и в известной книге Э. А. Макаева – причём конкретно по отношению к сравнительно-историческому языкознанию [8, с. 8–14], т. е., если можно так выразиться, в качестве «подпарадигмы» или «частной парадигмы».

Однако широкое применение «парадигматической схемы» к развитию лингвистического знания действительно началось в отечественной науке всё же, по большей части, несколько позднее – на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Причём в количественном отношении их число у различных авторов существенным образом варьировалось. Однако традиционно подавляющее большинство отечественных учёных оперирует тремя понятиями: сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической парадигмами [8, с. 5–6]. В приведённой выше статье Т. Н. Хомутовой в связи с этим отмечается, что базируется такая позиция – хотя она и разделяется не всеми специалистами – на точке зрения, согласно которой «первая настоящему научная парадигма появилась в начале XIX века, поэтому понятие парадигмы применимо только к лингвистике XIX–XX и далее веков» [13, с. 144].

Нетрудно заметить, что при таком подходе мы наблюдаем своеобразное и несколько парадоксальное возвращение к тому делению истории языкознания на «донаучный» (т. е. докомпаративистский) и «научный» (начиная с работ основоположников сравнительно-исторического метода) периоды, критика которого стала своего рода общим местом у большинства лингвистов XX в., отразившись, в частности, и в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра [12, с. 115], – хотя обычно и без упоминания о близости подобной трактовки взглядам, представленным в лингвистической историографии «дососсюровской» эпохи.

С другой стороны, и оставаясь в рамках двух названных столетий, как указывалось выше, далеко не все учёные воспроизводили в своих трудах одну и ту же трёхчастную схему. В этом отношении для цели настоящего исследования представляет особый интерес мнение Ю. Н. Караулова, предлагающего схему, состоящую из четырёх компонентов: исторической – психологической – системно-структурной – социальной парадигм, – синтез которых, по его мнению, и привёл к созданию «современной» (т. е. относящейся к последним десятилетиям прошлого века) научно-лингвистической парадигмы [6, с. 14–15].

На первый взгляд, её отличие от традиционной трёхчастной схемы не слишком велико. Одна из предлагаемых автором парадигм (системно-структурная) вообще идентична в обеих схемах, историческая, казалось бы, также ничем принципиальным от сравнительно-исторической не отличается. Что же касается социальной и психологической парадигм, то, поскольку обе они, в конечном счёте, апеллируют к человеческому фактору, то в специальной литературе высказывалось предположение о возможном их объединении в общую антропоцентрическую парадигму. Такое решение, в частности, и предлагается в статье Т. Н. Хомутовой [13, с. 145].

Однако, на наш взгляд, дело обстоит несколько сложнее, и, помимо несомненного сходства, между двумя упомянутыми концепциями, имеются и некоторые, не столь уж незначительные, различия.

Прежде всего, нам показалась не совсем подходящей в данном случае формулировка автора статьи: «четыре лингвистические парадигмы Ю. Н. Караулова могут быть сведены к упомянутым выше трём традиционным парадигмам лингвистического знания по В. А. Масловой» [13, с. 145]. Всё-таки, на наш взгляд, нельзя упускать из виду, что концепция Ю. Н. Караулова в своих основных чертах сложилась значительно ранее вы-

хода в свет работы В. А. Масловой [9] (первое издание монографии «Русский язык и языковая личность» вышло в свет в 1987 г.), поэтому «сводить» её к последней с точки зрения соблюдения принципа историзма, вероятно, не вполне оправданно.

Далее, если предположить, что под «современной научно-лингвистической парадигмой» Ю. Н. Караулов понимает именно антропоцентрическую (что, разумеется, в принципе вполне соответствует общей направленности его концепции), то логичнее, казалось бы, не ограничиваться только двумя названными в статье Т. Н. Хомутовой парадигмами, а добавить к ним и оставшиеся две – т. е. считать её составляющими также историческую и системно-структурную парадигмы, тем более что далее в монографии Ю. Н. Караулова читаем: «Современные представления о языке как объекте языкознания покоятся на четырёх “китах”, на четырёх фундаментальных его свойствах – исторически обусловленном характере развития, психической природе, системно-структурных основах его устройства, социально обусловленном характере возникновения и употребления» [6, с. 15].

Хотелось бы обратить внимание ещё на один момент. Если в традиционной трёхчастной схеме фигурирует сравнительно-историческая парадигма, то у Ю. Н. Караулова речь идёт об исторической парадигме. Думается, что, несмотря на, казалось бы, весьма незначительную терминологическую разницу, указанное обстоятельство заслуживает внимание. Говоря о сравнительно-исторической парадигме, обычно – так сказать, «по умолчанию» – имеют в виду именно – используя слова Ф. де Соссюра – «ту лингвистику, которую создал Бопп» [12, с. 115.] и которая нашла своё наиболее полное выражение в деятельности младограмматической школы (в упомянутой выше монографии Э. А. Макаева последняя трактуется как одна из парадигм сравнительного языкознания в целом,

т. е. в качестве того, что выше нами было названо «подпарадигмой» / «частной парадигмой»). Применительно к классической компаративистике такое понимание вполне оправданно. Как отмечалось исследователями, именно они довели этот метод до совершенства, сформулировав практически все его важнейшие положения [1, с. 105]. Однако, как известно, параллельно с младограмматиками и в той или иной степени разделявшими их принципы исследователями в конце XIX – первые десятилетия XX вв. получило распространение и так называемое «лингвистическое диссидентство». Для его представителей (весьма отличавшихся друг от друга по своему научному мировоззрению) ни философский позитивизм, ни тезис относительно не знающих исключения звуковых законов, отступления от которых вызываются в подавляющем большинстве случаев перекрещиванием их друг с другом, аналогией и заимствованием, не были приемлемыми (хотя и по разным причинам). Но при этом исторический характер языкознания сомнения не вызывал, а следовательно, принадлежность их к исторической (но не к сравнительно-исторической в её младограмматической ипостаси) парадигме вряд ли должна отрицаться.

Наконец, говоря о концепции языковой личности Ю. Н. Караулова, нельзя упускать из виду присущий ей исторический характер, поскольку именно историческая парадигма, как подчёркивается в его работе, «выступает как основа, стержень, который оснащается системно-структурной, социальной и психической языковыми доминантами» [6, с. 42]. Думается, что приведённое высказывание наглядно демонстрирует, что при предлагаемом объединении имеющихся у Ю. Н. Караулова психологической и социальной парадигм в антропоцентрическую оставлять вне последней парадигму историческую было бы не совсем корректно... Ввиду этого целесообразно рассматривать предложенную учёным

четырёхчастную систему парадигм именно как отдельную концепцию, не сводя её к традиционной трёхчастной.

Впрочем, некоторые сомнения вызывает и сам тезис об объединении социальной и психологической (в понимании Ю. Н. Караулова) парадигм. Психологизм в истории нашей науки, как известно, мог и пересекаться с социальным, как это имело место у Ф. де Соссюра, и носить индивидуалистический характер, который отстаивался теми же младограмматиками (мы сейчас не касаемся вопроса о том, насколько теоретические постулаты тех или иных школ совпадали с конкретной практической работой принадлежавших к ним языковедов). Отметим, кстати, что сам Ю. Н. Караулов при рассмотрении психологической парадигмы уделяет внимание как раз этой стороне дела, указывая, что утверждение о том, что реален только язык каждого индивида, является весьма типичным для неё [6, с. 13].

Не останавливаясь на других трактовках данной проблемы, предлагавшихся как отечественными, так и зарубежными исследователями (часть из них представлена в упомянутой статье Т. Н. Хомутовой и ряде других работ), затронем ещё на один момент, имеющий отношение к парадигматическому подходу к истории нашей науки, а именно – вопрос о взаимоотношении между выделяемыми парадигмами (независимо от предлагаемого теми или иными авторами их количества) и их представителями. Естественно, что особенно остро данный вопрос встаёт как раз в те периоды, когда происходит «наложение» парадигм друг на друга («научные революции», по терминологии Т. Куна). Обычно при его рассмотрении подчёркивается фактор их отталкивания друг от друга – ср. слова Ю. Н. Караулова о том, что «каждая последующая в крайнем своём выражении отрицала предыдущую» [6, с. 13]. Несколько иную трактовку предлагает П. Серио, по мнению которого, в гуманитарных науках (куда относится и языкознание) «парадигмы не

сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [11, с. 52].

Думается, что тезис об «игнорировании» нет необходимости (во всяком случае, применительно к данному вопросу) понимать буквально, поскольку, отстаивая право на существование и преимущества своей парадигмы, её представители волей-неволей должны будут касаться – хотя бы в критическом плане – положений другой (или других) парадигм. Это, кстати, хорошо видно на примере – воспользуемся здесь традиционной трёхчастной схемой – взаимоотношения между системно-структурной и сравнительно-исторической парадигмами. Во многих работах, где представители первой формулировали свои принципы, – будь то В. Брёндаль, положивший начало копенгагенскому структурализму [3], или основоположник Пражского лингвистического кружка В. Матезиус [10] (мы сейчас не касаемся тех принципиальных различий, которые существовали между названными течениями) – начинали они как раз с критической характеристики сравнительно-исторической парадигмы в её младограмматической ипостаси, по контрасту с которой и формулировали собственные идеи.

Что касается отрицания предыдущей парадигмы, о котором пишет Ю. Н. Караулов, то и оно далеко не всегда протекает в прямолинейно-негативной форме. На это, кстати, обратил внимание и сам исследователь, подчёркивая, что «не следует думать, что каждая из четырёх парадигмальных идей могла существовать только в чистом виде» [6, с. 15]. В этой связи вспоминает он и концепцию Ф. де Соссюра, подчёркивавшего, с одной стороны, системный характер языка, а с другой – его социальный характер, и деятельность многих других учёных – от Я. Гримма до В. А. Богородицкого. К приводимым им примерам можно было бы добавить и парижского ученика Соссюра А. Мейе,

с одной стороны, являвшегося одним из наиболее крупных компаративистов (т. е. представлявшего историческую / сравнительно-историческую парадигму), а с другой – получившего известность как основоположник Французской социологической школы (т. е., следуя классификации Ю. Н. Караулова, принадлежавшего в этом качестве к социальной парадигме). С другой стороны, аналогичная ситуация, как отмечал В. М. Алпатов, может наблюдаться и среди представителей таких обычно противопоставляемых друг другу парадигм, как историческая / сравнительно-историческая и структурная, поскольку представители исторического языкознания, занимаясь иной тематикой, вполне могут стоять на позициях структурной лингвистики [1, с. 105]. Всё сказанное наглядно иллюстрирует несколько парадоксальный, на первый взгляд, тезис В. З. Демьянкова: «Один и тот же человек может принадлежать сразу к нескольким разным парадигмам» [4, с. 31].

Заключение

Подводя итоги предлагаемого исследования, заметим следующее. Во-первых, отсутствие единого понимания понятия парадигмы в современной лингвистической историографии во многом обусловлено факторами объективного порядка, связанными со сложностью и определённой противоречивостью развития науки о языке XX столетия. Во-вторых, трёхчастная схема (сравнительно-историческая – системно-структурная – антропоцентрическая парадигмы), будучи, несомненно, весьма удобной в практическом плане и имея под собой определённые основания, тем не менее несколько упрощает реальное положение вещей (впрочем, это относится, вероятно, к любой классификации, особенно в сфере гуманитарного знания). В-третьих, представляется не лишённым целесообразности использование понятия исторической парадигмы, как это имеет место в концепции Ю. Н. Караулова, как более

широкого по сравнению с традиционно понимаемой сравнительно-исторической, которая может рассматриваться как играющая в ней ведущую роль, но всё же не единственная её разновидность. В-четвёртых, подтверждается неоднократно высказывавшаяся идея о том, что

парадигматическая принадлежность той или иной концепции и её представителей не является жёстко детерминированной, поскольку в их деятельности могут совмещаться несколько научных парадигм.

Статья поступила в редакцию 02.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1991. 240 с.
3. Брёндаль В. Структуральная лингвистика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 94–100.
4. Демьянков В. З. Парадигма в лингвистике и теории языка // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой / отв. ред. Н. К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 27–37.
5. За дальнейшее развитие советского языкознания // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 3–24.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
7. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
8. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977. 205 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
10. Матезиус В. Куда мы пришли в языкознании? // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 141–144.
11. Серио П. В поисках четвёртой парадигмы // Философия языка, в границах и вне границ. Т. 1. Харьков: ОКО, 1993. С. 37–52.
12. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
13. Хомутова Т. Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (172). С. 142–151.
14. Basso Fossali P., Colas-Blaise M., Rémi-Giraud S. The Paradigm Concept in the Sciences of Language [Электронный ресурс] // Signata. Annals of Semiotics. 2017. Vol. 8. URL: <https://journals.openedition.org/signata/1342?lang=en> (дата обращения: 12.04.2019).
15. Change of Paradigms – New Paradoxes: Recontextualizing Language and Linguistics / ed. by J. Daems, E. Zenner, K. Hehlen, H. Cuickens. Berlin, Boston: De Gruyter: Mouton, 2015. 397 p. (Applications of Cognitive Linguistics).
16. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. XV + 172 p. (International encyclopedia of unified science. Vol. II).
17. Kuhn T. S. The structure of scientific revolutions; 2nd ed. Chicago, London: University of Chicago Press, 1970. XII + 210 p.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii* [History of linguistic studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 368 p.
2. Alpatov V. M. *Istoriya odnogo mifa. Marr i marrizm* [The story of one myth. Marr and marrism]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury Publ., 1991. 240 p.
3. Brøndal V. [Structural linguistics]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. II* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 94–100.
4. Dem'yankov V. Z. [Paradigm in linguistics and language theory.]. In: Ryabtseva N. K., ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: Traditions and innovation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, pp. 27–37.
5. [For the further development of Soviet linguistics]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1953, no. 3, pp. 3–24.

6. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, LKI Publ., 2007. 264 p.
7. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977. 300 p.
8. Makaev E. A. *Obshchaya teoriya sravnitel'nogo yazykoznaniya* [The general theory of comparative linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 205 p.
9. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p.
10. Matezius V. [Where did we go in linguistics?]. In: Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh. Ch. II* [History of linguistics of the XIX–XX centuries in essays and extracts. Part II]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1965, pp. 141–144.
11. Serio P. [In search of the fourth paradigm]. In: *Filosofiya yazyka, v granitsakh i vne granits. T. 1* [Philosophy of language, within and without borders. Vol. 1]. Kharkiv, OKO Publ., 1993, pp. 37–52.
12. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 696 p.
13. Khomutova T. N. [Scientific paradigms in linguistics]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Bulletin], 2009, no. 35 (172), pp. 142–151.
14. Basso Fossali P., Colas-Blaise M., Rémi-Giraud S. The Paradigm Concept in the Sciences of Language. In: *Signata. Annals of Semiotics*, 2017, vol. 8 Available at: <https://journals.openedition.org/signata/1342?lang=en> (accessed: 12.04.2019).
15. Daems J., Zenner E., Hehlen K., Cuickens H. *Change of Paradigms – New Paradoxes: Recontextualizing Language and Linguistics*. Berlin, Boston, De Gruyter, Mouton Publ., 2015. 397 p. (Applications of Cognitive Linguistics).
16. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962. XV + 172 p. (International encyclopedia of unified science. Vol. II).
17. Kuhn T. S. *The structure of scientific revolutions*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1970. XII + 210 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета; e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina F. Belyaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy T. Khukhuni – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and English Studies at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University; e-mail: khukhuni@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. Ф., Хухуни Г. Т. Историческое, социальное и структурное в лингвистике XX века: к вопросу о парадигматическом подходе к истории языкознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14

FOR CITATION

Belyaeva I. F., Khukhuni G. T. Historical, social and structural approaches in the 20th century linguistics: the paradigmatic interpretation of history of linguistics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-6-14